

Отсюда, с высоты, ей видно все...

Кружащийся тихий снег, у главного входа — елка. Фургон, карниз и трещины в нем, горбатые крыши домов и дальние новостройки, строительный кран за башнями Сити-центра, холодное небо и облака и белое пятно солнца.

Она видит все, каждую мелочь, изгиб или деталь. Пространство ожило, задвигалось, завертелось вокруг нее: окно, карниз, фургон, у главного входа — елка. И снова: небо, фургон, карниз...

О чем люди думают перед смертью? О том, как хочется жить? Или о том, почему так страшно? А может, о том, что со смертью уйдет страх?

Ни о чем таком она и не думала. Она просто летела, падала с высоты седьмого этажа на стеклянную крышу веранды. Всего несколько секунд, краткий миг между жизнью и смертью, но как долго он длится...

Шум, с которым она проломила крышу, был не таким уж сильным, она ожидала куда большего грохота. А вот удар о гранитный пол сразу ее убил.

Вокруг собрались люди, и кто-то кричал:

— Она бросилась из окна!

Откуда им было знать, что она здесь совсем ни при чем.

ГЛАВА 1

ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДО...

Красная Пресня, Центральный округ столицы. Средоточие ресторанов, клубов и офисных центров. Бизнес-центр «Пресня-Палас» — один из многих. Кирпичное здание в семь этажей на перекрестке коротких улиц. Каждое утро со всей Москвы сюда устремляются сотни машин.

Свернув с Трехгорного вала Лера повернула второй раз. Заваленная сугробами улица сделалась уже, а стихийные парковки еще тесней. Впереди тащился фургон, на задней дверце которого был нарисован конверт с двумя белыми крыльями.

Фургон подъехал к «Пресне-Палас», а Лера запарковалась на стоянке, где было одно свободное место. До начала работы оставалось двадцать минут.

У главного входа в центр уже поставили новогоднюю елку. Макушкой она упиралась в мраморный козырек. На высоком крыльце толпились курильщики. Здесь, как и в офисах, все говорили о том, куда поехать в рождественские каникулы.

Охранник в фойе расхаживал в костюме Деда Мороза. Красавица у ресепшн улыбалась каждому, кто входил.

— Прощу, — она протянула Лере корреспонденцию.

— Спасибо.

— Как там на улице?

— Снег... — Взглянув на часы, Лера сняла очки и положила их в сумку. Потом выправила из-под шарфа длинные каштановые волосы, скрутила их в аккуратный пучок, закрепив шпиль-

кой, после чего направилась в другой конец вестибюля к двери, на которой висела табличка: «Саваста Фьоре».

В салоне звучала громкая итальянская музыка. За стойкой сидела Ева Полонская — администратор офиса, управляющего парикмахерскими «Саваста Фьоре». Увидев Леру, она спрыгнула с высокого табурета и побежала в кладовку. Через мгновение выскочила оттуда с каким-то флаконом и устремилась в противоположный конец помещения. Светлые джинсы, туфли без каблуков, короткие волосы уложены торчащими прядками. Со спины ее можно было принять за щуплого подвижного пацана.

В прошлом Ева была скрипачкой. После окончания консерватории объездила с оркестром весь мир. Ее карьера закончилась после того, как она вышла замуж за Григория Люсина, известного актера телесериалов. Ради него Ева оставила музыку и подыскала себе более подходящую работу.

Через минуту она уже была рядом с Лерой:

— Привет. Двадцатого декабря у тебя окраска волос. Ты как?

— Смогу.

— Твое время в десять. — Ева что-то записала в тетрадку. — Точно сможешь?

— Точно, — ответила Лера. — Шосток уезжает в Ниццу.

— Опять женился?

— Опять.

— Цветы по тому же поводу? — Ева кивнула на сверток в руках подруги. — Кстати, у Люсика юбилей — сотая серия «Шелкового сердца». В обеденный перерыв жду вас в нижнем кафе у телевизора. Риту я пригласила. Ты предупреди остальных. На Ритке сегодня обалденное платье. Розовое... здесь юбочка... здесь — бант. Рукавчик три четверти...

— Что в сотой серии?

— Рюмина падает из окна, дальше — несколько серий она в коме. Счастливая, поедет в Дубай отдыхать.

— А Люсик?

— Будет стоять на коленях у больничной койки с ее дублершей. Ну, пока, — Ева закрыла тетрадь и вернулась к стойке администратора.

Лера вышла из парикмахерской. В вестибюле у лифтов она встретила парня в курьерской куртке, зашла с ним в кабину, вдавила шестую кнопку. В тот же миг в лифт заскочила Маша Волкова, красавица-блондинка с глазами на пол-лица.

— Успела! — воскликнула она.

— Привет, — Лера обернулась к курьеру: — Вам на какой?

Он молчал и тупо смотрел на Машу. Это была обычная мужская реакция. Увидев ее, многие парни напрочь теряли дар речи.

— Вам... на... какой... этаж? — раздельно спросила Лера.

Дверцы лифта закрылись, но кабина с места не тронулась.

— На седьмой... — пролепетал курьер.

— Там никого нет, — сообщила Маша. — Этаж подготовлен к ремонту. Скажите лучше название фирмы.

— О-О-О... «Домовой»...

— Вам на шестой, — мельком заглянув в зеркало, Маша спросила у Леры: — Что в «Шелковом сердце»?

— Рюмина в коме, выпала из окна.

— Хорошо бы и в самом деле. — Маша не сомневалась, что муж Евы и его партнерша по сериалу были любовниками. — За Еву обидно. На заборах скоро напишут: Люсик плюс Рюмина.

— Все равно она не поверит, — вздохнула Лера. — В обеденный перерыв Ева ждет нас в кафе. У Люсика юбилей, сотая серия.

На табло загорелась шестерка, и двери разъехались. Лера вышла из лифта, за ней — Маша. Курьер, не отрываясь, смотрел ей в след.

— Ше-е-е-сто-о-о-й... — протянула Маша, поправляя длинные локоны.

Взглянув на табло, парень выскочил из кабины. У стеклянной двери в конце коридора его ждала Рита.

Компания «Домовой», где работала Рита Сцейпек, занимала правое крыло этажа и отделялась от прочих фирм стеклянной перегородкой.

— Привет! — улыбнулась Рита.

Лера помахала рукой, а Маша заметила:

— Красивое у тебя платье.

Розовое платье Риты и формой, и цветом напоминало гигантский цветок фуксии.

— Что в «Шелковом сердце»? — спросила она.

— Рюмина в коме. В этой серии выпадет из окна, — сообщила Маша с особенным удовольствием. — У Люсика — юбилей. В обед встречаемся в кафе у нашего телевизора. Придешь?

— Увидеть, как Рюмина падает из окна? И ты еще сомневаешься...

Вместе с курьером Рита отправилась в приемную «Домового», а Лера и Маша разошлись по своим офисам.

* * *

Повесив пальто в шкаф, Лера достала вазу, распаковала букет и вошла в кабинет Шостока. Она заметила на столе новую фотографию. Решив, что крашеная блондинка и есть новая жена шефа, Лера подвинула рамочку, освобождая место для вазы с цветами.

Бракосочетание состоялось в минувшие выходные. Поговорив с невестой по телефону, Лера отчего-то решила, что та мила или, во всяком случае, прилично воспитана.

Пристроив цветы, она возвратилась в приемную. В течение ближайшего часа к ней заглядывали сотрудники, и каждый обязательно спрашивал:

— Шсток сегодня будет?

— Будет, но недолго. Он уезжает. — Говоря это, Лера улыбалась: впереди ее ждал целый месяц долгожданной свободы.

В одиннадцать часов явился посыльный курьерской службы, практически брат-близнец того, что «преследовал» ее утром.

— Письмо... — он протянул конверт и квитанцию.

— Расписаться? — спросила она.

В этот момент открылась дверь, и в офис вошел Шосток. Его сопровождала девушка с фотографии.

— Здравствуйте. — Вставая, Лера не глядя швырнула конверт в верхний ящик стола. Вместо ящика конверт угодил в ее раскрытую сумку.

— Здравствуй, Лера, — Шосток остановился. — Знакомься, это — Леночка.

— Очень приятно... Поздравляю!

— Моя помощница — Лера Казанцева, — представил ее Шосток. Кивнув, Леночка прошла в кабинет мужа.

— Ты не знаешь, где мой загранпаспорт? — спросил Виктор Иванович.

— В верхнем ящике стола, вместе с билетами.

Курьер переминался с ноги на ногу:

— Вот здесь... — Он ткнул пальцем в квитанцию, и Лера, наконец, поставила закорючку, куда следовало.

— Готово.

— Скажите, а где дирекция бизнес-центра?

— Здесь, на шестом, рядом с нами, смотрите...

Лера не успела договорить. К столу с цветами в руках подошла Леночка:

— Если нет денег на хорошие, нечего покупать барахло, — сунув букет в мусорку, она удалилась. Спустя мгновение, попрощавшись, ушел Шосток.

— Дирекция... — напомнил курьер.

— Подождите.

Обогнув стол, Лера склонилась над мусорной корзиной и достала оттуда цветы. Потом принесла вазу, поставила в нее букет и водрузила на свой стол:

— Теперь — порядок... Дирекция? Идемте, я покажу.

* * *

Маша Волкова работала секретарем в дирекции бизнес-центра «Пресня-Палас». Несколько лет назад она приехала из провинции без гроша, но уже через год купила в Москве квартиру. Если бы у нее кто-то спросил, как это возможно, она бы ответила: «Очень просто. Используя мужчин, можно добиться многого».

В мужчинах Машу интересовали, во-первых, деньги. Во-вторых — деньги. В-третьих и в-четвертых, тоже деньги. Правила игры менялись, но ставка оставалась прежней — безбедное существование любой ценой. Сумма ее усилий зависела от того, насколько состоятельным был «объект».

Однако ее беспринципность в отношениях с мужчинами не исключала кодекса чести, который имел весьма ограниченный диапазон действия и распространялся лишь на подруг. Можно называть это как угодно: двойной жизненной философией или цинизмом, но из песни, как говорится, слов не выкинешь.

В то утро в кабинете директора бизнес-центра Кравченко проходила встреча с солидными арендаторами. Маша подавала им кофе. Зауженная книзу юбка, изящная форма ног, роскошная грудь в глубоком вырезе кофточки. При каждом ее наклоне взгляды мужчин устремлялись в Машино декольте.

— Спасибо, — сказал Кравченко, когда на стол была поставлена последняя чашка: — Теперь найди смету на ремонт седьмого этажа, потом можешь идти на обед. Но только на полчаса.

Вернувшись в приемную, Маша увидела курьера. Забрав корреспонденцию, стала искать смету.

Между тем из кабинета гендиректора вышел пятидесятилетний мужчина, совладелец крупной финансовой компании.

- Можно стакан воды? — в нее уперся прямой, цепкий взгляд.
- Разве на столе в графине ее нет?

— Не видел. — Он протянул руку и представился: — Николай Иванович Слезь.

— Волкова Маша.

— Проводи-ка меня на седьмой этаж. Хочу посмотреть, что да как. Ремонт закончится, я заберу все помещения.

— Простите, сейчас не могу. У меня обед.

— Ах да! Слышал. Тридцать минут.

— Уже двадцать пять.

— Что ж, возьму охранников, сам посмотрю.

Он шагнул навстречу Маше, обнял ее и прижал к себе.

— Пустите, Николай Иванович... — сказала она. — А то...

— А то что? — Он снисходительно улыбнулся, убрал руки и, не торопясь, покинул приемную.

Обернувшись, Маша увидела Кравченко. Его лицо было бледным, почти больным. Прикидывая, давно ли он так стоит, она протянула ему документы:

— Вот, Игорь Петрович...

Он подошел, одной рукой взял бумаги, а второй, размахнувшись, ударил ее по лицу:

— Дрянь... — прошипел он. — Грязная потаскуха...

Поправив волосы, Маша взяла сумочку и направилась к выходу.

— Беги-беги! Он тебя ждет! — выкрикнул Кравченко.

— Я — в «Барсукспецодежду», потом, если понадобится, буду в нижнем кафе.

* * *

Обстановка в офисе «Барсукспецодежды» напоминала кризисные торги на фондовой бирже. Огромное пространство, уставленное конторскими столами, где трудилось не меньше сотни сотрудников. От стола к столу перемещались клиенты, трезвонили телефоны, звучал несмолкаемый гул людских голосов.

У самого входа работала копировальная машина. Подставка для бумаг сдвинулась, и отксерокопированные листы методично взмывали вверх, а потом, раскачиваясь, улетали в проход между столами.

У окна сидел хозяин фирмы Сергей Барсуков. Время от времени к его столу подходили сотрудники, он подписывал документы, затем, откинувшись в кресле, наблюдал за тем, что творится вокруг него. Заметив Машу, Сергей сдержанно кивнул, и его лицо выразило неудовольствие. Маша прошла через зал к единственному кабинету из пластика и стекла, наглухо зашторенному жалюзи.

Отсекая шум, за Машей закрылась дверь. В кабинете у компьютера сидела Надя. Ей можно было дать лет двадцать восемь, хотя на самом деле уже исполнилось сорок. Поджарая фигура бывшей спортсменки, короткие русые волосы, минимум макияжа. От нее веяло здоровьем, свежестью и правильным воспитанием.

Надя была женой хозяина фирмы, что нисколько не упрощало ее жизни. Сергей вынужденно терпел присутствие жены, не скрывая своих намерений со временем отправить ее домой. Угадывая желание босса, сотрудники откровенно пакостили Наде, пытаясь доказать ее безоговорочную никчемность. Пребывание в отдельном кабинете походило на полную изоляцию.

— Пойдешь на обед? — Маша приблизилась к зеркалу и, взглянув в него, провела пальцем по красному пятну на щеке.

— Что у тебя с лицом? — спросила Надя.

— Кравченко приложил.

— На работе?! — Надя вздохнула. — Не даст он тебе житья...

— Пустяки.

— Так нельзя, — Барсукова встала из-за стола и подошла ближе.

— Оставь, — оборвала ее Маша.

Спустя минуту они вышли из кабинета. Стараясь не привлекать внимания, Надя пробиралась между столами. Служащие

бросали на нее косые взгляды и продолжали делать свою работу. Внезапно на ее пути возникла немолодая коренастая женщина.

— Здравствуйте, Наденька...

— Здравствуйте, Валентина Николаевна, — Надя остановилась.

Говорившие по телефону сотрудники замолчали, остальные отложили дела, ожидая, что скажет или сделает Валентина Николаевна.

В каждом приличном офисе есть своя стерва. В офисе «Барсукопечодежды» стервой считалась Валентина Николаевна Голикова, финансовый аналитик. Любой, кто как кость вставал ей поперек горла, мог быть уверен — она обгложет его дочиста. В случае с Барсуковой все было предопределено, Голикова слишком хорошо знала, чего желает хозяин.

— Наденька, — финансовый аналитик была любезна, но чувствовалось, что камушек за пазухой у нее есть. Она протянула бумаги:

— Это последняя сверка с вашими фабриками.

Все, включая Сергея Барсукова, следили за тем, что будет дальше.

— При всем уважении к вам, — Валентина Николаевна огляделась, — такого ужаса я не видела за всю свою жизнь.

Надя взяла документы:

— Неужели?..

— Да уж поверьте. Насчет отгруженных материалов... Мои данные отличаются от ваших... — Голикова еще раз оглядела присутствующих, — ... на двадцать пять миллионов.

Служащие зашущукались. Барсуков с досадой швырнул на стол карандаш.

— На двадцать пять миллионов... больше? — с усилием выдавила из себя Надя.

— Представьте себе — да! — улыбнулась Валентина Николаевна. — Фабрики, с которыми вы работаете, задолжали нашему

предприятию двадцать пять миллионов рублей. Похоже, они не столько шьют для нас спецодежду, сколько воруют давальческие материалы¹.

Надя стояла навытяжку, словно провинившаяся школьница. Маша озадаченно выглядывала из-за ее плеча.

— Вы уверены, что учли все поступления готовой продукции? — спросила Надя.

— Я на голову покамест... не жалеюся. — Отрезала Валентина Николаевна, намекая на то, что с Надиной головой дела обстоят с точностью до наоборот.

Развернувшись, Барсукова кинулась в свой кабинет, прошептав на ходу Маше:

— Иди. Я подойду позже.

Маша вышла в коридор и направилась к лифтам. Там стояло несколько человек, среди них была Лера Казанцева. Увидев Машу, мужчины притихли. Звякнул прибывший лифт, двери открылись, и все устремились внутрь.

Одновременно с этим за стеклянной перегородкой «Домового» показалась фигурка Риты. Яркое пятно ее платья виднелось издалека. Лера махнула рукой, дескать, «поторопись». В лифт Рита забежала последней. На табло вспыхнул значок, затем послышался зуммер.

— Перегрузочка... — сказал плешивый толстяк. Прижав к животу портфель, он сосредоточенно уставился в потолок. Остальные мужчины последовали его примеру. Решительно никто не хотел уступать своего места.

— Ну, что ж, я вошла последней, — улыбнулась Рита, выскочила из кабины и побежала к другому, только что подошедшему лифту. Прежде чем двери сомкнулись, она крикнула:

— Встретимся у кафе!

¹ Полученные организацией от заказчика для переработки.